

Л. М. Аржакова, Е. В. Клецкова, Т. Г. Таирова-Яковлева

Полемические заметки о Колиивщине

Инициировать написание данных полемических заметок меня заставили исследование моей ученицей гайдамаччины, приближающийся юбилей Колиивщины, а также множество вопросов, которые это событие вызывает у меня как историка, занимающегося Украиной. Помогали мне в этом мои коллеги, и в результате получился полемический взгляд на гайдамаков от трех питерских дам-историков. Если наши усилия спровоцируют оживление интереса к гайдамацкой тематике и полемику (хорошо бы, острую), мы будем полагать, что наша задача выполнена.

Татьяна Таирова-Яковлева

Т. Г. Таирова-Яковлева:

Прежде всего, как мне представляется, заметно то, что историки обычно отрывают гайдамаков от предыдущих и параллельных событий в Украине, а также от контекста общеевропейских тенденций и явлений (не говоря уже про логику развития России и Речи Посполитой). На самом деле я полагаю вполне очевидным, что гайдамацкое движение следует рассматривать, как минимум, в контексте ликвидации Запорожья, уничтожения автономии Украинского гетманства, разделов Речи Посполитой, нового внешнеполитического курса Екатерины II.

Кроме того, я не вижу принципиальной разницы между казацкими движениями XVII-го и гайдамацкими XVIII-го веков. В обоих случаях население Украины (если понимать под ним прежде всего крестьян и запорожцев) выступало против польской шляхты, евреев-арендаторов и насаждения униатской конфессии. В обоих случаях в воздухе

витала надежда на православного соседа — либо в виде возможного присоединения, либо, как минимум, в виде помощи со стороны русских войск. Правда, в казацких восстаниях ключевую роль играла шляхта, хоть и оказченная, но во времена гайдамаков наПравобережной Украине не ополяченной (или окатоличенной) украинской шляхты уже практически не осталось. А вот украинскую элиту, успешную с экономической и карьерной точки зрения, гайдамаччи на захватила — к примеру, Ивана Гонту. Символом связующего звена этих двух явлений — казацких и гайдамацких восстаний — на мой взгляд, является Мельхиседек Значко-Яворский, лидер православного движения в Поднепровье, тесно связанный с гайдамаками, к тому же сын лубенского полкового есаула «Карпа Илича прозваньем Значка» из рода «древних з Костешов Яворских»¹.

Насколько я понимаю, в историографии о гайдамаках преобладают две упрощенные схемы. Первая (привнесенная поляками) — что речь идет о разбойниках-грабителях, вторая — что гайдамаки были «героями-патриотами». По моему мнению, в любом восстании во все времена есть контингент, примыкающий к событию с целью пограбить, — возьмите восстание Богдана Хмельницкого, Великую Французскую революцию, большевистское движение. Что же касается высоких идей и вообще идеологической нагрузки, то это удел узкой группы избранных.

Е. Ю. Клецкова:

Действительно, в историографии устоялись две таких основных схемы-взгляда на гайдамацкое движение. По моему мнению, их уместно дополнить и третьим подходом, разделив историографию о гайдамаках на три ветви: 1) гайдамаков рассматривают исключительно как

¹ Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной Комиссией для разбора древних актов [далее — Архив ЮЗР]. Ч. 1, т. 3. Киев, 1864. С. 1—2.

разбойников, причем иные цели движения (социальные, политические и др.) отрицаются; 2) гайдамацкое движение идеализируют, закрывая глаза на жестокость гайдамацких отрядов; 3) на участников гайдамацкого движения про-буют взглянуть беспристрастно, не скатываясь к крайностям. Работ последнего типа мало, и, пожалуй, здесь стоит согласиться с призывом Наталии Яковенко не судить, а понять «своих героев, беспристрастно выслушивая и убийцу, и его жертву. А под таким углом зрения гайдамачину еще не исследовали»².

Что касается объективных, основанных на множестве источников работ по гайдамацкому движению, то до сих пор, полагаю, не превзойдены исследования Владимира Антоновича³, Якова Шульгина⁴ и Владислава Серчика⁵. Антонович, в частности, принял во внимание самый широкий спектр причин гайдамаччины: социальные противоречия, религиозный и политический факторы, корыстные побуждения. Гайдамацкое движение, как отмечал историк, носило двойной характер: «разбоя и сопротивления панским порядкам»⁶, а жестокость гайдамак, по его мнению, оправдывало то, что все пути легального разрешения конфликта были исчерпаны. Искренне презирая польскую шляхту, ученый постоянно подчеркивал, что в своих бедах виновата она сама. Впрочем, не только Антонович, но и другие исследователи не раз отмечали малочисленность загонов гайдамак, однако шляхта, погрязшая

² Яковенко Н. *Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время / Авторизованный перевод Владимира Рыжковского.* М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 647.

³ Антонович В. *Исследование о гайдамачестве по актам 1700–1768.* Киев, 1876.

⁴ Шульгин Я. *Очерк Колиивщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов.* Киев, 1890.

⁵ Serczyk W. A. *Koliszczyzna.* Kraków, 1968: Его же. *Hajdamacy.* Kraków, 1972.

⁶ Антонович В. *Исследование о гайдамачестве.* С. 6.

во внутренних противоречиях, не могла ничего им противопоставить. Описывая приход русских войск на помощь полякам во время самых мощных восстаний, Антонович не без скрытого сарказма замечал: «Шляхтичи полагали, что не только охранение границы Речи Посполитой должны лежать на обязанности русского правительства, но и розыск лиц, виновных в грабежах, равно как и пополнение убытков, причиненных ими»⁷.

Несколько иной взгляд на гайдамак у Якова Шульгина:

На самом деле гайдамаками называли издавна своего рода отщепенцев грубо сбитого общественного польского строя, людей, для которых и пребывание в казачестве могло быть стеснительным — и в силу несочувствия их идеалам казачества, иначе, конечно, к нему они могли бы пристать⁸.

По мнению Шульгина, после окончательного возвращения Поднепровья Польше в 1714 г. и подавления там казаков у местного населения появился новый защитник — гайдамаки, однако они, хоть и готовы были помочь угнетенным, но всё же основной целью набегов считали грабеж. Ученый разбил восставших на три категории: правобережные крестьяне, левобережные крестьяне и запорожцы, а также собственно гайдамаки. По его наблюдениям, среди крестьян далеко не все сочувствовали восстанию, ибо зачастую оно требовало определенных имущественных жертв. Считая мемуары не самым надежным источником, Шульгин использовал в своей работе материалы Кодненской судебной книги — впрочем, как он сам признавал, неполной в части сведений о принимавших участие в Колиивщине выходцах с Левобережья (их дела в основном рассматривали русские суды). Он подчеркивал, что среди лидеров

⁷ Антонович В. Исследование о гайдамачестве. С. 92.

⁸ Шульгин Я. Очерк Колиивщины. С. 5.

восстания попадались идеино убежденные – например Семен Неживый, но большинство все-таки преследовало личную выгоду. Также Шульгин полагал, что между восставшими действительно ходила некая зазывная грамота, хоть её происхождение и содержание никому из ученых не удалось идентифицировать. Общий же вывод историка был таким: «Колиивщина есть только слабый отблеск того, что бывало на Украине раньше в XVII и даже в начале XVIII столетия»⁹.

Не менее интересна работа Петра Мирчука¹⁰, но, поскольку ученый работал в эмиграции, не имея доступа к архивам, его текст содержал преимущественно опровержение так называемых, по несколько позднейшему определению Зенона Когута, «мифов» о гайдамаках¹¹), и собственную, более чем спорную, гипотезу о якобы создании во время Колиивщины независимого украинского государства.

Среди польских историков прорывом во взгляде на гайдамаков стали две уже упомянутые книги Владислава Серчика, ведь до него польские ученые рассматривали гайдамацкое движение исключительно как разбойническое. Изучив множество старых и новых материалов, Серчик увидел в гайдамаччине конструктивные элементы: например, обращение к казацким образцам и попытку создания некоторой административной организации («*próbach stworzenia plebejskiej administracji*»¹²).

Что касается «неприятелей» гайдамацкого движения, то к ним седует отнести не только польских исследователей старшего поколения (например Тадеуша Корзона¹³

⁹ Шульгин Я. *Очерк Колиивщины*. С. 158.

¹⁰ Мірчук П. *Коліївщина: гайдамацьке повстання 1768 року*. Нью-Йорк, 1973.

¹¹ Kohut Z. *Myths Old and New: The Haidamak Movement and the Koliivshchyna (1768) in Recent Historiography* // Harvard Ukrainian Studies. 1977. Vol.I, no 3. P. 359–378.

¹² Serczyk W. A. *Hajdamacy*. S. 7.

¹³ Korzon T. *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława-Augusta, 1764–1794*. T. 1. Kraków i Warszawa, 1897.

и Францишка Равиту-Гавронского¹⁴, которые видели в гайдамаках исключительно грабителей, а украинцев считали «диким народом», у которого жестокость и стремление к бунтам заложено в крови), но также Аполлона Скальковского и Данилу Мордовцева¹⁵. Так, отрицая какие-либо социальные и экономические цели гайдамачины, Скальковский писал: «Они [ватахки] вооружались просто для разбоя и грабежа из видов одной корысти, но свои ватаги уверяли в противном...»¹⁶. Впрочем, Скальковский зачастую сам себе противоречил, как, например, здесь:

Сношения неприятельские казачества с ляхами были столь же древни, как само существование Запорожской общины. Их всегда разделяла вера, язык и происхождение... Со времени гонений за веру и неслыханых казней героев казачества, мучеников православия, уже никогда не думал казак о сближении с ляхом... Вот начала вечной, неумолимой борьбы между ними, вот причина наездов, со стороны поляков — вот наконец источник гайдамацства со стороны русских (т.е. мало-русских) поселян и самих запорожцев¹⁷.

Подобные противоречия отмечали ещё современники Скальковского. В частности, Михаил Максимович подробно показал, что ошибкой (или сознательным шагом) было использование Скальковским исключительно официальных документов и некритический подход к их изучению, чем, по словам Максимовача, автор «сам отнял веру в искренность официальных оправданий и показаний

¹⁴ Rawita-Gawroński F. *Historya ruchów hajdackich.* T. 1–2. Brody, 1913.

¹⁵ Мордовцев Д. Л. Гайдаматчина или Колиивщина: Разбойничье общини, 1730–1768. Санкт-Петербург, 1884; Скальковский А. А. Наезды гайдамаков на Западную Украину в XVIII ст.: 1733–1768 гг. Одесса, 1845.

¹⁶ Скальковский А. А. Наезды гайдамаков на Западную Украину. С. 14–15.

¹⁷ Там же. С. 31–32.

запорожской старшины, а между тем на них-то и основывается, ими преимущественно и очищает память славногоНизового войска!»¹⁸. В оценках Максимовича причиной гайдамацкого движения было не простое желание пограбить, а естественная реакция православных на притеснения со стороны поляков – «национальный и религиозный фанатизм»¹⁹. Говоря об участии в гайдамаччине запорожцев, ученый впервые подчеркнул разницу в позициях старшины и рядового «товариства», замечая, что не испытывавшая давления русского правительства старшина довольно долго прикрывала «проказы» своих подопечных, хоть в случае поимки они должны были отвечать сами за себя, не впутывая в разбирательство Сечь. Однако с постепенным усилением правительственного контроля кошевой с командой уже должен был отправляться в степь на поиски «гульяев».

Начало идеализации гайдамацкого движения заложила советская историография, когда из работ ученых исчезли упоминания об участии в Коливщине Мотронинского монастыря и об огромном количестве жертв Уманской резни, а сами гайдамаки превратились в борцов за свободу угнетенного класса, причем само движение интерпретировалось как преимущественно «крестьянское»²⁰. После внедрения в украинскую историографию, согласно известным «Тезисам о 300-летии воссоединения Украины с Россией» 1954 г., обязательной формулы о стремлении украинского

¹⁸ Максимович М. *Известие о гайдамаках // Его же. Собрание сочинений. Т. 1: Отдел исторический. Киев, 1876. С. 584.*

¹⁹ Там же. С. 578.

²⁰ До середины 1950-х, т.е. до внедрения обязательного тезиса о стремлении украинцев к «воссоединению» с Россией, работ о гайдамаках было немного, и все они страдают крайне упрощенными «классовыми акцентами» в описании данного феномена, ср.: Дмитриев А. *Гайдамаччина (из истории классовой борьбы на Украине в первой половине XVIII в.)*. М., 1934; Гуслистий К. *Селянське повстання 1768 р. на Україні*. Харків, 1934; Головинер Я. *Крестьянское восстание 1768 года на Украине // Исторический журнал. 1939, № 11. С. 70–79*; Гуслистий К. *Коліївщина (историчний нарис)*. К., 1947 и другие.

народа к «воссоединению» гайдамаки оказались полезными и здесь. Показательными в этом смысле являются работы признанного специалиста по истории Запорожской Сечи Владимира Голобуцкого, который после длительного перерыва впервые вновь подчеркнул казацкую составляющую гайдамацкого движения. Вместе с тем, яро критикуя работы ученых XIX в. за их якобы предвзятость и не допуская даже мысли о стремлении гайдамак к личной корысти, историк описывает их как истинных борцов за свободу украинского народа от любого гнета, а в одной из своих статей постулирует и «обязательный» политический мотив движения — борьбу за воссоединение Правобережной Украины с Левобережной «в составе Русского государства»²¹. Впрочем, основной причиной гайдамачины ученый все же называет «феодально-крепостнический гнет», хоть и дополненный национальными и, в меньшей степени, религиозными противоречиями (показательно, что на страницах работ Голобуцкого не нашлось места для упоминания об игумене Мотронинского монастыря Мельхиседеке Значко-Яворском). Среди остальных работ украинских советских историков, посвященных гайдамацкому движению, следует упомянуть монографию Александра Лолы²². Принцип классовой борьбы в этой книге акцентирован еще выразительней, чем у Голобуцкого, а одной из основных причин гайдамацкого движения Лола, специалист по истории крестьянства, считает чрезмерную эксплуатацию крестьян на Правобережье.

Называя эти и предыдущие представления о гайдамаках в польской, русской и украинской историографиях «мифами», их критически проанализировал в своей статье 1977 г. канадский историк Зенон Когут. Впрочем, свои наблюдения

²¹ Голобуцкий В. А. *Гайдамацкое движение на Запорожье во время «Колиивщины» и крестьянского восстания под предводительством Е. И. Пугачева* // Исторические записки. 1956, т. 55. С. 310.

²² Kohut Z. Myths Old and New: The Haidamak Movement and the *Koliivshchyna* (1768) in Recent Historiography // Harvard Ukrainian Studies. 1977. Vol. I, no 3. P. 359–378.

он завершает пессимистически: «While the old myths have finally died, new ones have been created to take their place»²³.

Что касается издания источников по истории гайдамацкого движения, то после масштабного сборника, подготовленного в 1876 г. Владимиром Антоновичем²⁴, немногочисленных публикаций отдельных документов и мемуаров в конце XIX – начале XX в., а также изданной в 1931 г. Осипом Гермайзе Кодненской судебной книги²⁵ интерес к гайдамакам надолго утих. Новый всплеск обусловила подготовка к 200-летию Колиивщины, когда вышел в свет сборник документов и материалов под редакцией Ивана Бутича и Федора Шевченко, охвативший источники 1717–1775 гг.²⁶, а также ряд статей юбилейного характера, опубликованных на страницах «Українського історичного журналу» за 1968 год. После этого ни публикаций, ни крупных монографий, посвященных гайдамакам, не выходило. О специфической ситуации «умолчания» гайдамаччины, где украинские историки явно не знали, что делать с «нежелательным» казацким элементом, свидетельствует такая характерная деталь: в сборник источников о крестьянском сопротивлении середины XVIII – начала XIX в. вошло шесть документов

²³ Kohut Z. *Myths Old and New: The Haidamak Movement and the Koliivshchyna (1768) in Recent Historiography*. Р. 378. Не совсем точный перевод этой фразы см. в современном украинском издании сборника статей Когута: Когут З. *Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України* / Переклад Софії Грачової за участі Олега Бобровського. К., 2004. С. 293.

²⁴ Архив ЮЗР. Ч. III, т. 3: Акты о гайдамаках (1700–1768). Киев, 1876. 898 с.

²⁵ Коденська книга судових справ // Український архів. Т. 2. К., 1931. См. также обзор этих материалов, опубликованный Гермайзе несколькими годами раньше: Гермайзе О. *Коліївщина в світлі новознайдених матеріалів // Україна*. Кн. 1–2. К., 1924.

²⁶ Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Збірник документів / Упор. І. Л. Бутич, М. І. Бутич, О. А. Купчинський, Л. А. Проценко, В. Л. Чунтулова. К: Наукова думка, 1970.

о гайдамаках периода Колиивщины, однако заглавия к ним квалифицируют события как «крестьянское восстание»²⁷.

Ситуация существенно не изменилась и сегодня, хотя время от времени появляются статьи о тех или иных проблемах гайдамаччины (например, Тараса Чухлиба²⁸ и Алексея Барановского²⁹). Естественно также, что о гайдамаках упоминают общие работы, посвященные истории Украины³⁰, а в 2002 г. издательство Киевского национального университета выпустило в свет хрестоматию по гайдамакам и Колиивщине³¹, где представлены ранее публиковавшиеся материалы.

В противоположность этому, следует отметить повышение интереса к гайдамакам со стороны польских, преимущественно молодых, ученых. Так, в 2010 г. был опубликован сборник материалов совместной конференции украинских и польских историков, проведенной в Умани по инициативе Игоря Кривошеи³². Среди прочего, в него вошло пять статей польских исследователей гайдамаччины: Norbert Morawiec. *Narodowy szowinizm*

²⁷ Селянський рух на Україні. Середина XVIII – перша чверть XIX ст. Збірник документів і матеріалів / Упор. Г. В. Болотова, М. І. Бутич, Л. З. Гісцова та ін. К., 1978. С. 123–133 (док. № 48–51, 53).

²⁸ Чухліб Т. «Гайдамаччина» в Речі Посполитій XVIII ст. (Причини повстанського руху в світлі джерел з українського табору) // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 8. К., 2008. С. 116–125.

²⁹ Барановський О. Нова Січ і гайдамацький рух: археографічні публікації та актуалізована джерельна база // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 20. К., 2010. С. 87–96.

³⁰ Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. С. 636–647. См. также: Войцехівська І., Галаган В., Замлинський В. та ін. *Історія України в особах: IX–XVIII ст.* К.: Україна, 1993; Гуржій О. І., Чухліб Т. В. *Гетьманська Україна*. К., 1999, и другие.

³¹ Гайдамацький рух на Уманщині. Коліївщина 1768 року. Хрестоматія. К., 2002.

³² Українсько-польський науковий діалог в Умані. Збірник наукових праць / За ред. І. І. Кривошеї. Умань; Гнєзно; Ланьцут; Ченстохова, 2009.

a historiograficzna metaforyczność w „hajdamackiej” twórczości Franciszka Rawity-Gawrońskiego (c. 136–146); Marek Sygulski. Koliszczyzna 1768 r. w historiografii polskiej (c. 166–176); Tadeusz Srogosz. Pokonanie hajdamaków jako podstawa znaczenia Józefa Gabriela Stempkowskiego na Prowincji Szlacheckiej (c. 195–204); Maciej Trąbski. Wizja nowej Koliszczyzny w korespondencji z 1789 roku (c. 224–236); Beata Urbanowicz. Zagadnienie Koliszczyzny w wybranych polskich podręcznikach historii XX wieku (c. 236–244). Характерно также, что в 2012 г., на международной конференции в честь юбилея Наталии Яковенко, доклад ее польского участника Анджея Гиля также посвящался гайдамакам («*Humań 1768, czyli wojna Rusi z Rusią. Rozważania o ukraińskiej tożsamości*»).

Т. Г. Таирова-Яковлева:

Возвращаясь к параллелям, напомню, что Богдана Хмельницкого буквально вынудили превратиться из лояльного подданного Речи Посполитой в лидера массового восстания. Нечто похожее было и с Иваном Гонтой: как противник Барской конфедерации, уманский староста Францишек Салезий Потоцкий давал Гонте тайные инструкции, а его наместник Младанович арестовал и всячески третировал Гонту.

Представляя Коливщину как нечто исключительное, часто акцентируют жестокость восставших. При этом совершенно забывается, что практически в то же самое время – в 1770 г. (всего два года разницы!) – аналогичное восстание произошло на Крите. Его возглавил Яннис Дасколоянис – тоже весьма успешный человек (кораблевладелец), долгое время хранивший лояльность к турецким властям. В обоих случаях восставшие рассчитывали на поддержку и прямую помощь со стороны России и лично Екатерины II. В случае с критянами мы знаем достоверно, что такую помощь действительно обещали, однако, как и в случае с Украиной, не оказали. Коливщина способствовала тому, что России удалось добиться ослабления Речи Посполитой, которое привело к разделу государства, а события на Крите отвлекли

турецкие силы в самый ответственный период русско-турецкой войны. Оба восстания были подавлены, и даже гибель лидеров оказалась печально сходной — с Дасколояниса, как и с Гонты, живьем содрали кожу.

Сказанное актуализирует роль Екатерины II, а точнее — начало ее агрессивной политики экспансии, в целях которой использовалось православное население Украины и Греции, а также инициировались его выступления с целью давления на Речь Посполитую и Османскую империю. Принципиальным, в частности, кажется вопрос: чего же на самом деле хотела императрица, заступаясь за диссидентов, — получить надежных людей в сейме и таким образом обеспечить контроль за Речью Посполитой, или же разделить ее?

Л. М. Аржакова:

Чего же на самом деле хотела Екатерина II? Казалось бы, ответ на данный вопрос известен. Во всяком случае, в русской историографии XIX в. сложилась, и весьма быстро укоренилась, традиция, согласно которой Екатерина II, идя по стопам своих предшественников (эту преемственность было принято подчеркивать³³), не могла не заступиться за диссидентов, страждущих под гнетом поляков-католиков. Конечно, все это и выглядело, и звучало красиво, а также, что немаловажно, служило своего рода оправданием участия России в разделах Речи Посполитой. Вместе с тем, к концу XIX в. зазвучали некоторые сомнения по поводу бескорыстия русской императрицы, якобы проявлявшей в своей монаршей деятельности крайнюю обеспокоенность судьбами единоверных и единокровных обитателей

³³ Как подчеркивал в свое время, например, П. К. Щебальский: «Еще царь Алексей и его преемники, в многочисленных договорах, заключенных ими с польским правительством, выговаривали православным подданным Польши свободу богослужения, разумеется, с соблюдением взаимности по отношению к католикам в Московском царстве» (Щебальский П. К. *Русская политика в Польше до Екатерины II*. М., 1864. С. 5).

Речи Посполитой. Но разве это не секрет Полишинеля? Разве не было это всегда ясно тем, кто проводил в Варшаве линию, намеченную Петербургом? Пусть не сразу, но и сам король Станислав Август понял, что «неожиданное требование императрицы» о предоставлении всей полноты политических и гражданских прав диссидентам, тогда как ранее речь шла только об их религиозном статусе, который он готов урегулировать, показывает, что «религия – не более чем предлог»³⁴.

Каким образом отразились эти повороты русской внешней политики периода разделов Речи Посполитой в российской историографии? По сути, все точки над «и» в трактовке длительной истории непростых польско-русских взаимоотношений расставил еще Н. М. Карамзин. На долгие десятилетия именно его подход стал тем ориентиром, с которым русское общество (и русская историография в том числе) сверяло собственные представления о давнем и недавнем прошлом Польши. Кажется, в русском обществе не вызвали особого отторжения слова официального российского историографа, без колебаний заявившего по поводу российских приобретений в ходе разделов 1772–1795 гг.: «Монархия взяла в Польше только древнее наше достояние», и на этом основании утвердившего, что «сей раздел есть действие могущества Екатерины и любви ее к России»³⁵.

Эти Карамзинские тезисы, свидетельствующие о его восхищении высоким патриотизмом и geopolитическими успехами российской императрицы, надолго стали хрестоматийными для российской историографии. Да, пожалуй, и большинство русского общества вслед за Карамзиным, казалось бы, раз и навсегда, уверовало в то, что о гибели Польского государства «никто не жалеет», а «ее мятежные

³⁴ Стегний П. В. *Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795.* М., 2002. С. 115–116.

³⁵ Карамзин Н. М. *Историческое похвальное слово Екатерине Второй* // Карамзин Н. М. *О древней и новой России. Избранная проза и публицистика.* М., 2002. С. 290.

и несчастные жители, утратив имя свое, нашли мир и спокойствие под державой трех союзных государств»³⁶.

И все-таки, оглядываясь назад и пытаясь понять характер процессов на территории Речи Посполитой накануне первого раздела, которые захватили всех и вся, трудно обойтись без вопросов. Если религия в диссидентском деле российской внешней политикой воспринималась не более чем предлог, то в состоянии ли было русское общество XIX в. полной мерой принять эту данность? Судя по всему, не вполне. Иначе как объяснить, что со временем на первый план в трактовке событий, предшествовавших первому разделу Речи Посполитой, стали выводить именно конфессиональный (диссидентский) фактор? Ведь Н. М. Карамзин, на которого русское общество привычно ориентировалось в польском вопросе, признавал, что «мы взяли Польшу мечом»³⁷, и не находил в случившемся ничего предосудительного; больше того, он отдавал себе отчет в том, что «Петр и Екатерина хотели ее [России.— Л. А.] могущества и внешней безопасности, без которой всякое внутреннее благо ненадежно»³⁸. Как видим, диссидентский вопрос из этого утверждения, что называется, выпадает. Однако с другой стороны, следуя за Карамзиным, российская историография шаг за шагом (похоже, незаметно для себя) продвигалась по пути пересмотра трактовки польских событий 1768–1772 гг., все больше акцентируя внимание именно на диссидентском вопросе.

Поэтому не приходится удивляться, что своего рода апофеозом такой, весьма лестной для русской исторической памяти, версии становится, например, не блещущее ни оригинальностью, ни новизной мысли сочинение А. П. Липранди «”Отторженная возвратих“. Падение Польши и воссоединение западнорусского края». Ключевую идею автора здесь можно свести к следующему:

³⁶ Карамзин Н. М. *Историческое похвальное слово...* С. 294.

³⁷ Его же. *Мнение Русского гражданина* // Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 437.

³⁸ Его же. *Историческое похвальное слово*. С. 287.

Западная Русь – древнейшая колыбель русского православия, драгоценное наследие Рюриковичей, край, где, можно сказать, основалась Русь [...] был воссоединен, на конец, заботами и могуществом нашей великой императрицы, с Россией, а западнорусский народ был освобожден от позора и унижения, вступил в новую жизнь и начал возрождаться духовно, нравственно, политически, экономически...³⁹.

Воссоединение произошло, как писал Липранди, «после трехвекового страдания под властью католико-иезуитской Польши, после беспримерного в истории рабства и угнетения хозяев пришельцами, после жестокого хозяйствования в нем чужеземцев». Автор не скучился на обличение ужасов «рабства», утверждая: «Ни крепостное право, ни татарское иго не могут даже сравниться с тем рабством, которое довелось перенести западнорусскому народу во время нахождения его под польским владычеством»⁴⁰.

Конечно, у Липранди всего в избытке – и с пафосом явный перебор, и чувство меры ему явно изменило, но зато это юбилейное (написанное «по случаю столетия воссоединения Западнорусского края в 1793 г.») сочинение органично вплеталось, и даже еще в большей степени утверждало, уже сложившееся представление о великих деяниях русской монархии. Могло ли что-либо (или кто-либо) поколебать сложившуюся традицию? Традицию, добавлю, поддержанную корифеем русской историографии С. М. Соловьевым, чья знаменательная фраза по поводу Екатерины II стала хрестоматийной: «Редкий государь восходит на престол с такими миролюбивыми намерениями, с какими взошла на русский престол Екатерина II»⁴¹. По-видимому, Речь Посполитая –

³⁹ Липранди А. П. «Отторженная возвратих». *Падение Польши и воссоединение западнорусского края*. СПб., 1893. С. 3.

⁴⁰ Там же. С. 4.

⁴¹ Соловьев С. М. *Европа в XVIII в.* // Соловьев С. М. *Сочинения. В18 кн. Кн. XXII (Дополнительная)*. М., 1998. С. 203. Ср. также: Соловьев С. М. *История*

это, можно сказать, и есть тот объект, к которому императрица прилагала свои миролюбивые усилия. Так или иначе, но, с точки зрения Соловьева, «во второй половине XVIII века, волею-неволею, России надобно было свести старые счеты с Польшею»⁴².

При сведении счетов, как известно, все средства хороши, пошел в ход и диссидентский вопрос. И хоть Соловьев, пожалуй, больше, чем его предшественники, акцентировал geopolитическую составляющую русской внешней политики времен Екатерины II, однако во многом он продолжал идти проторенным для отечественной историографии путем, то есть считал диссидентский вопрос («русское национальное движение, совершившееся, как прежде, под религиозным знаменем»⁴³) одним из факторов, которые привели Речь Посполитую к гибели. Отдавая дань значимости диссидентского дела, ученый с сожалением подчеркивал, что в Польше не жалели сил на то, «чтобы не сделать ни малейшей уступки требованиям диссидентов, чтобы не признать никаких прав за христианами других вероисповеданий, кроме католического»⁴⁴.

Понадобилось еще не одно десятилетие, прежде чем в российской исторической науке была предпринята попытка несколько иначе взглянуть на ситуацию. Уже трудно было закрывать глаза на то, что глава Коллегии иностранных дел Н. И. Панин рассматривал диссидентский вопрос «чисто с государственной точки зрения, как средство водворить в Польше влияние России»⁴⁵. Стало очевидным и то, что линия внешней политики России в польском случае была выработана, исходя из установок, данных Коллегии иностранных дел русской монархиней, и что именно с высо-

падения Польши // Там же. Кн. XVI. М., 1995. С. 412.

⁴² Соловьев С. М. *История падения Польши*. С. 409.

⁴³ Там же С. 407.

⁴⁴ Там же. С. 426.

⁴⁵ Чечулин Н. Д. *Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II, 1762—1774*. СПб., 1896. С. 260.

чайшего благословения Панин, пусть не на публику, позволял себе достаточно циничные формулировки. К примеру, он внушал Н. В. Репнину, что «главное правило, которое как сначала было, так теперь есть», должно сводиться к тому, «чтобы совершить диссидентское дело не для распространения в Польше нашей и протестантской веры, но для приобретения себе [...] единожды навсегда твердой и надежной партии, с законным правом участвовать во всех польских делах»⁴⁶.

Вместе с тем, даже в начале ХХ в. подобная прямота по-прежнему оставалась скорее отступлением от традиции. Для того чтобы признать, что в русской внешней политике времен Екатерины II геополитические интересы Российской империи перевешивали заботу о православном населении Речи Посполитой, понадобилось еще около столетия, когда постепенно эмоции в этом щекотливом вопросе отступали на второй план. Лишь на очередном витке своего развития отечественная историография оказалась более или менее готова смириться с тем, что глава внешнеполитического ведомства России накануне первого раздела Речи Посполитой считал «невыгодным излишнее распространение прав диссидентов — православных». Пусть не сразу, но пришлось признать и то, что Петербург не был заинтересован в обеспечении православным «слишком многих удобств и выгод настолько, чтобы они не нуждались в помощи России и своими собственными силами могли бы совершенно хорошо устроиться в Польше»⁴⁷.

Казалось бы, в наше время подобными тезисами уже никого не удивишь, и чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к монографиям П. В. Стегния или Б. В. Носова⁴⁸. Но кто сказал, что историческая память способна так быстро

⁴⁶ Чечулин Н. Д. *Внешняя политика России...* С. 260.

⁴⁷ Там же. С. 262.

⁴⁸ Стегний П. В. *Разделы Польши*. С. 114–115, 116–118, и др.; Носов Б. В. *Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг.* М., 2004. С. 633–652.

(всего за каких-то столетие-полтора!) уразуметь, что мать-императрица пеклась не столько о действительно зачастую непростых судьбах единоверцев, сколько преследовала геополитические интересы, утверждала позиции Российской империи в Речи Посполитой, для чего и позаботилась об избрании на престол в 1763 г. именно Станислава Понятовского. Другое дело, что Екатерина II и Фридрих II достаточно скоро поняли, «что они посадили на трон человека, стремящегося к возрождению своей страны», вследствие чего поспешили предпринять «меры, чтобы переделать то, что сами же и сделали»⁴⁹.

Т. Г. Таирова-Яковлева:

Возвращаясь к уже упомянутой Золотой грамоте, которую якобы дала Екатерина II на восстание, следует напомнить, что в ее существование верили не только гайдамаки и запорожцы. Легенда звучала столь убедительно, что даже П. А. Румянцев засомневался и в июне 1768 г. (!) просил императрицу подтвердить (или опровергнуть) наличие грамоты («поелику не знаю, чтоб от вашего императорского величества даны были на сей случай какие особенные повеления»)⁵⁰.

Мне представляется, что такая всеобщая вера в поддержку со стороны императрицы была совсем не удивительна в русле всей предыдущей политики Екатерины. Не могу поверить, что опытные политики из ее окружения (Н. И. Панин, Н. В. Репнин, А. А. Прозоровский), проводя открытую агрессивную поддержку диссидентов и персонально лидеров украинского православного движения (Значко-Яворского), не понимали, какие надежды они тем самым вселяли в сердца украинских крестьян.

⁴⁹ Цит. из монографии: Kaplan H. *The First Partition of Poland*. New York; London, 1962. См. также: Стегний П. В. *Разделы Польши*. С. 116.

⁵⁰ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года. // Киевская старина. 1882, № 9. С. 543 (док. № VII).

Другой вопрос – было ли им совершенно все равно, что станет с этими, обманутыми в своих чувствах, людьми, или же они сознательно приносили их в жертву своим дипломатическим и политическим комбинациям. Ведь Колиивщина стала лакмусовой бумажкой, благодаря которой прояснилась истинная роль Екатерины II как «борца за диссидентские права».

Л. М. Аржакова:

Утвержденные сеймом постановления (фактически продиктованные русским послом Н. В. Репниным), с которыми вынужден был согласиться король Станислав Август в обмен на некоторые уступки польским реформаторам со стороны Екатерины II, в конце февраля 1768 г., как известно, привели к провозглашению Барской конфедерации. Конфедерация была создана ради защиты католической веры и против диктата России. И против собственного короля, олицетворявшего собой, с точки зрения конфедератов, власть России в Польше.

По существу, Речь Посполитая погрузилась в пучину гражданской войны. Наиболее ожесточенные действия развернулись на территории Правобережного Поднепровья, где католическая шляхта позволяла себе произвол и насилие. Следствием жесточайшего давления на православный люд Украины стала так называемая гайдамаччина, способствовавшая тому, что именно здесь на рубеже 1760-х – 1770-х гг. самым драматическим образом переплелись интересы польского короля, недовольных Станиславом Августом барских конфедератов, русской императрицы и прочее. Я намеренно не касаюсь роли, так сказать, третьих лиц (Австрии, Франции, Турции), трактуя развернувшееся противостояние, несмотря на множество вовлеченных в него участников (и даже несмотря на начавшуюся русско-турецкую войну), как двустороннюю, русско-польскую, борьбу. Подобное сужение проблемы кажется мне допустимым еще и ввиду того, что выступление гайдамаков, как известно, привело в итоге

к тому, что интересы двух противостоящих сторон сблизились и оказались сконцентрированы против восставших.

Итак, конфедераты против короля. Конфедераты за католическую веру и против России. Конфедераты против гайдамаков. Конфедераты вместе с Россией против гайдамаков. Россия против конфедератов. Россия в поддержку короля. Россия вместе с конфедератами и польской армией, верной королю, против гайдамаков. Возникает вопрос, в какой степени расходились русско-польские интересы на Правобережной Украине, если стихийное выступление православного украинского крестьянства и казачества, заботу о правах которого (в том числе) проявляла русская императрица, вскоре определило выбор Екатерины в двусторонней борьбе в пользу поляков?

Гайдамацкое движение и роль России в его подавлении – не самая удобная тема в контексте русско-польско-украинских отношений. Обе стороны вели борьбу за веру: барские конфедераты – за католическую против России, гайдамаки – за православную, ожидая поддержки от России. Противостояние России с конфедератами не выдержало испытания бунтом гайдамаков, объединив действия русских и польских войск. Как писал С. М. Соловьев:

Репнина сильно раздосадовал гайдамацкий бунт. Он указывал на Переяславского архиерея Гервасия и матренинского игумена Мельхиседека как на «некоторую причину» волнения, особенно вооружался против Мельхиседека, известного ему своим беспокойным характером⁵¹.

Диссидентский вопрос не как инструмент внешней политики России в Польше, а как повод для вмешательства Петербурга в дела Варшавы ради защиты прав и свобод православных обитателей Речи Посполитой (именно так его было принято подавать в старой русской историографии)

⁵¹ Соловьев С. М. *История падения Польши*. С. 456.

продемонстрировал свою несостоятельность в период гайдамацкого движения: императрица оказалась не готова решать проблемы православного населения. Неудивительно поэтому, что в настоящее время историки предпочитают уходить от этой темы. Например, П. В. Стегний, ограничившись фактологией Колиивщины, просто констатирует, что «добиться заявленных целей в таком болезненном для самолюбия поляков вопросе, как диссидентский, удалось весьма дорогой ценой»⁵².

Что касается современной польской историографии, то в ней не обходят стороной упоминание о Колиивщине, подчеркивая, в частности, что она была связана с диссидентским и национальным вопросами и с мечтами о казацких вольностях, а якобы существовавшую грамоту Екатерины II с призывами бунтовщиков выступить в защиту православия ученые считают фальшивкой — обычным приемом призывать сторонников под свои знамена⁵³. Впрочем, такой скептицизм не был свойственен польским историкам раньше. Например, Владислав Конопчиньский, видный исследователь первого раздела Польши, упоминая в одной из своих работ о «гайдамацкой смуте под названием Колиивщина», едва ли не с сочувствием пишет, что гайдамаки якобы руководствовались сфальсифицированным манифестом русской императрицы, хоть и не располагали его оригиналом с печатью и подписью⁵⁴. Впрочем, историк сомневался в том, действительно ли грамота была фальшивкой. По крайней мере, он счел нужным напомнить, что «прежде (1763) Екатерина уже угрожала напустить гайдамаков на своих врагов в Польше, и что в 1768 г. с русской стороны ничего не было сделано, чтобы обезвредить выступление Железняка»⁵⁵.

⁵² Стегний П. В. *Разделы Польши*. С. 120.

⁵³ Markiewicz M. *Historia Polski, 1492–1795*. Kraków, 2002. S. 661–662.

⁵⁴ Konopczyński W. *Dzieje Polski nowożytnej*. T. 2. Warszawa, 1986.

S. 190–191.

⁵⁵ Там же. С. 191.

Конопчињский здесь подразумевает содержание депеши, которую Екатерина II отправила своему послу при польском дворе, графу Карлу Кайзерлингу, 1 апреля 1763 г., то есть еще до избрания на престол Станислава Понятовского. Проявляя заботу о патронируемой ею тогда партии Чарторыйских, императрица повелевала следующее: «Разгласите, что если осмелятся схватить [...] кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу запорожских казаков»⁵⁶. Однако предположение о возможности существования грамоты, адресованной гайдамакам, основанное лишь на том, что угрозы использовать казаков против противников русской партии в Речи Посполитой имели место и раньше, не представляется достаточно аргументированным.

Т. Г. Таирова-Яковлева:

Цинизм российских политиков по отношению к православию впечатляет. Могу подписать под каждым словом публикатора переписки П. А. Румянцева, который комментировал письма генерал-губернатора Малороссии так: «Знатному вельможе непонятным кажется, как можно из разности в исповедании подвергать себя жесточайшим мучениям, жертвовать даже жизни, и он называет это «простым», т.е. не разумным усердием в вере»⁵⁷. Замечу, что по меньшей мере наивно было бы ожидать искренней ортодоксальности и от Екатерины II, перекрещенной лютеранки, а к тому же приняв во внимание ее борьбу за секуляризацию церковных владений. Возможно, именно на фоне многих перекрещенных императоров и императриц (начиная с Екатерины I) русским вельможам казалось неприличным слишком фанатичное отношение к православию. Но

⁵⁶ Соловьев С. М. *История падения Польши*. С. 413.

⁵⁷ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года // Киевская старина. 1882, № 10. С. 93.

еще более удивительно отношение Румянцева к населению Правобережья – он их именует «польские крестьяне»!⁵⁸

Эти вопросы и недоумения находят ответ, если мы поставим гайдамацкие восстания в более широкий контекст. Какие отношения связывали Екатерину II с Украиной? 1764 год стал ключевым в ее подходе к Украинскому гетманству: практически сразу после прихода к власти она объявила в своей известной инструкции генерал-прокурору А. А. Вяземскому непреклонное решение «привести к обрушению» провинции, имевшие свои местные законы – Украину, Лифляндию и Финляндию. Относительно Украины императрица считала необходимым принять меры и к тому, «чтоб век и имя гетманов исчезло, не токмо б персона какая была произведена в оное достоинство».

В том же году произошло восстание Ивана Мировича – представителя известного старшинского рода, который попытался освободить и возвести на престол содержавшегося в Шлиссельбурге сверженного императора Иоанна Антоновича. Мирович 15 сентября 1764 г. был казнен на площади в Петербурге. В том же году украинского церковного деятеля, члена Синода Арсения Мациевича, за резкий протест против политики секуляризации церковных земель лишили сана и выслали в Карелию, а двумя годами спустя императрица лично приказала забить в рот непреклонного иерарха деревянный кляп и после жестоких допросов с пытками замуровать в крохотной камере равелина.

В ноябре 1764 г. Екатерина отправила в отставку гетмана Кирилла Разумовского, а 10 ноября того же года был опубликован «Манифест малороссийскому народу», учредивший правление Малороссийской коллегии во главе с президентом и генерал-губернатором графом П. А. Румянцевым. Казалось, императрица могла теперь спокойно вздохнуть, но в 1767 г., т.е. за год до Колиивщины, когда, играя в демократию, Екатерина II объявила созыв Комиссии нового уложения

⁵⁸ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года. С. 101 и другие.

законов, непокорность Украины снова дала о себе знать. Украинские сословия, наряду с прочими имперскими провинциями, должны были избрать своих депутатов и снабдить их инструкцией, в которой излагались бы их нужды и пожелания. В инструкциях старшины, мещан и казаков весьма определенно акцентировалось восстановление старых автономных прав Украины — по «статьям Богдана Хмельницкого», в частности, возобновление выбора гетманов.

Таким образом, Румянцев и другие сановники из близкого окружения Екатерины II очень хорошо знали, как императрица могла бы среагировать на любые разговоры о новоявленных казаках Поднепровья. Как мне кажется, это опасение и ненависть к украинскому свободолюбию являются более реалистичным объяснением отрицательного отношения русских сановников к пророссийскому и православному восстанию гайдамаков, чем их позиция помешиков, ненавидящих восставших крестьян — пусть даже чужих. Впрочем, и второе тоже имело место.

С другой стороны, представляется невероятным, чтобы к 1760-м годам в российском Министерстве иностранных дел и в Малороссийской коллегии уже забыли, что Уманщина и Чигиринщина (центры Колиивщины) всего полстолетия тому назад, пусть и недолго, входили в состав России. А как же идея о собирании древнерусских земель под главенством Москвы? О единой «большой русской нации» (я утрированно использую термин XIX в.) — вплоть до Холма и Галича?

Резня в Умани — это, мягко говоря, непривлекательный эпизод. Впрочем, до сих пор никто толком так и не сказал, что же там было на самом деле, ведь, как известно, погибли не все — даже дети наместника. В распоряжении историка — только воспоминания тех поляков, которые спаслись, но следует принять во внимание, что они были смертельно напуганы и имели все основания ненавидеть гайдамаков. Если бы мы судили о восстании Богдана Хмельницкого только по воспоминаниям шляхты, бежавшей с Украины в 1648 г.,

то картина была бы не лучше, а сам Хмельницкий рисовался бы исключительно как кровавый злодей.

Те, кто бросает камни в гайдамаков, не вспоминают о действиях т. наз. Украинской партии (т.е. армейских отрядов) ротмистра Игнатия Воронича и о Барской конфедерации. А между тем, эти события вполне сравнимы с карательными рейдами коронной армии по Брацлавщине во времена Богдана Хмельницкого. Вспомним хотя бы то, как получивший официальную поддержку со стороны Екатерины II и короля Станислава Августа Мельхиседек Значко-Яворский, который добился грамоты о защите православия в Поднепровье, был арестован официалом униатского митрополита Мокрицким (прямо-таки новоявленным Чаплинским!), подвергнут унижениям, закован в кандалы и брошен в тюрьму⁵⁹. Сопровождавшему его в поездке жаботинскому сотнику Харьку отрубили голову на конюшне, а млиевского ктитора Кушнира заживо сожгли⁶⁰.

Наталия Яковенко в своем очерке истории Украины сомневается в том, что с Гонты живьем сдирали кожу, считая это легендой. Но, все-таки, похоже что снимали — об этом пишут все современники: Тучанский, Мошинский, Младанович и некий аноним⁶¹. Сам приговор о казни Гонты (десять дней снимать полосы кожи, на 11-й отрубить ноги, на 12-й руки, наконец на 13-й вырвать сердце и на 14-й, уже у трупа, отрубить голову) напоминает скорее кровожадные пытки раннехристианских мучеников, чем «цивилизованный» конец XVIII века. С другой стороны, приговор, вне сомнения, свидетельствует о градусе взаимной ненависти и осторвенения — здесь ключевое слово «взаимной». Добавлю,

⁵⁹ Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Збірник документів. С. 339–340 (№ 193).

⁶⁰ Архив ЮЗР. Ч. 1, т. 2. С. 383–385 (№ CI); Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года // Киевская старина. 1882, № 9. С. 527.

⁶¹ Антонович В. Уманский сотник Иван Гонта // Киевская старина. 1882, № 11. С. 275.

что даже гетман Ян Клеменс Браницкий не выдержал и приказал на третий день отрубить Гонте голову.

Мне представляется, что Иван Гонта – одна из ключевых фигур к пониманию истинных чувств, которые двигали гайдамаками (имею в виду цели и идеалы верхушки). Это был не простой, а достаточно образованный человек (по крайней мере, известно, что он умел читать и писать), состоятельный (у него было собственное имение), верующий (Гонта жертвовал крупные средства на церковь как ктитор и староста храма в м. Володарка)⁶². Лично меня глубоко поразило не то, что, подвергаясь страшной казни, Гонта вел себя мужественно (такое случается и с заядлыми негодяями), но то, что когда с него сдирали кожу, он читал акафист⁶³. Согласитесь, надо обладать высокой верой, чтобы вести себя подобным образом.

Хотим мы или нет, но вопрос о вере был очень важным в восстании. Следует напомнить, что история Переяславской епархии тесно связана с казачеством: инициатором ее создания в 1700 г., после долгих лет борьбы, был гетман Иван Мазепа, стремившийся распространить свое влияние на Правобережное Поднепровье. Максим Железняк тоже был не только запорожцем, но и послушником Мотронинского монастыря под Чигирином – старинной гетманской резиденцией. Монахи поднепровских монастырей играли заметную роль во всех гайдамацких выступлениях, не только в Коливщине. Так, игумен Мотронинского монастыря Мельхиседек Значко-Яворский и переяславский епископ Гервасий были постоянными возмутителями спокойствия, чья борьба вселяла украинскому населению надежду на возможность противостояния унию. Как известно, религиозный фактор в Украине раннего Нового времени всегда был тесно связан с национальной

⁶² Добротворский Н. *Портрет Гонты* // Киевская старина. 1885, № 8. С. 736–740.

⁶³ Лазаревский А. *Остатки предания о Гонте* // Там же. 1901, № 7–8. Отд. 2. С. 6.

идентичностью, именно в противодействии унией возникли шедевры украинской полемической литературы, сформировалось украинское Барокко, а казачество со времен Петра Сагайдачного взяло на себя функцию защиты православия как символа идентичности. Можем ли мы предполагать, что гайдамаки, защищая в Приднепровье православие, защищали и национальную идентичность? Думаю, на этот вопрос еще предстоит ответить историкам...

Итак, подводя некоторые итоги, можно отметить, что мы подняли и заострили множество вопросов. Мы вовсе не стремились дать на них ответы — для этого нужна дальнейшая серьезная работа. Но смеем надеяться, что взгляд из холодного Питера позволит однозначно заключить: с гайдамаками все не так просто и однозначно, как до сих пор представлялось.